

УДК 343.12

**«ЗАПОДОЗРЕННОЕ ЛИЦО» — ВОСТРЕБОВАННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС
ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАЗАХСТАНА И РОССИИ**

Мадина Таукеновна Аширбекова*, Абылай Акылбаевич Калиев**

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, madina.55@mail.ru

** МВД Республики Казахстан, Астана, Казахстан, kaliev_08@mail.ru

Аннотация. В статье с использованием сравнительно-правового метода проведено сопоставление процессуального положения нового участника казахстанского уголовного процесса — свидетеля, имеющего право на защиту, — с фактическим положением такого участника российского уголовного процесса, как лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Соответственно, анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, определяющие процессуальное положение нового участника, его процессуальные права, а также основания, по которым то или иное лицо позиционируется как свидетель, имеющий право на защиту. Отмечается, что предпосланные данному субъекту процессуальные права отличают его от «обычного» свидетеля, поскольку они нацелены на защиту его процессуального интереса, который сходен с процессуальным интересом подозреваемого. Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана не детализирует порядок наделения лица статусом «свидетель, имеющий право на защиту», в том числе не предписывает субъектам, ведущим досудебное производство, выносить определенное процессуальное решение (постановление), которое бы отражало основания наделения лица названным статусом. В связи с этим предлагается иначе нормативно определить статус названного субъекта, а именно использовать в законе для его обозначения термин «заподозренный», поскольку сам казахстанский законодатель предпосылает ему процессуальные права для защиты от возникшего против него подозрения. Процессуальный статус «заподозренный» вполне оправданно использовать и в российском уголовном процессе применительно к лицу, в отношении которого проводится проверка заявления или сообщения о преступлении. Решение вопроса о причастности лица к криминальному событию посредством проверки в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно считать этапом выдвижения первоначального подозрения, поскольку закон допускает участие защитника на указанном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Исходя из этого предлагается ввести в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новый пункт, содержащий понятие «заподозренное лицо», а также в ч. 1.1 ст. 144 указанного кодекса выделить данное лицо в ряду частных лиц, участвующих в доследственной проверке.

Ключевые слова: процессуальный интерес, свидетель, подозреваемый, подозрение, заподозренное лицо, право на защиту

Для цитирования: Аширбекова М. Т., Калиев А. А. «Заподозренное лицо» — востребованный процессуальный статус для отдельных участников уголовного процесса Казахстана и России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 50—56.

**"A PERSON BEING UNDER SUSPICION" AS A DEMANDED PROCEDURAL STATUS
FOR SOME PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA**

Madina Taukenovna Ashirbekova, Kaliev Abylay Akylbayevich**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, madina.55@mail.ru

** Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
kaliev_08@mail.ru

Abstract. By using the comparative legal method, the authors of the article compare the procedural status of a new participant in the Kazakh criminal proceeding — a witness having a right to be defended — with the factual position of such a participant in the Russian criminal procedure as a person in respect of whom a crime report is being verified. Accordingly, the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan are analyzed, determining the procedural status of the new participant, his procedural rights, as well as the grounds on which this or that person is positioned as a witness having a right to be defended. It is noted, that the procedural rights granted to this subject distinguish him from an "ordinary" witness, since they are aimed at protecting his procedural interest, similar to the procedural interest of a suspect. The Criminal Procedure Code of Kazakhstan doesn't detail the procedure for granting a person the status of a "witness having a right to be defended", including the fact that it doesn't prescribe the subjects conducting pre-trial proceedings to make / issue a certain procedural decision (resolution), which would reflect the grounds for granting a person the mentioned status. In this regard, the authors propose to normatively define the status of the mentioned subject differently, namely, to use the term "a person being under suspicion" to designate him in the law, since the Kazakh legislator grants him procedural rights to protect himself from suspicions / charges brought against him. The procedural status of "a person being under suspicion" can be quite justifiably used in Russian criminal proceedings in relation to a person in respect of whom a statement or report of a crime is being checked. The decision on the involvement of a person in a crime through verification in accordance with Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation can be considered as a stage of bringing an initial suspicion / charge, since the law lets for the defense attorney to participate in this stage of criminal procedural activity. Based on this fact, the authors propose to introduce a new point containing the concept of "a person being under suspicion" into Art. 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as to specify a mentioned person in a set of individuals participating in the preliminary investigation in part 1.1 of Art. 144 of this Code.

Keywords: procedural interest, witness, suspect, suspicion, "a person being under suspicion", the right to be defended

For citation: Ashirbekova M. T., Kaliev A. A. "A person being under suspicion" as a demanded procedural status for some participants in the criminal proceedings of Kazakhstan and Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 50—56, 2025. (In Russ.).

После распада СССР развитие уголовно-процессуального законодательства России и Казахстана, которое ранее было общим для двух государств, привело к значительным различиям во многих институтах уголовного процесса. Так, казахстанский законодатель ввел в уголовный процесс ряд новелл: отказался от стадии возбуждения уголовного дела, что изменило структуру досудебного производства; включил в систему следственных действий блок негласных следственных действий, что, в частности, обусловило и усиление судебного контроля в виде процессуальной деятельности следственного судьи, который пополнил ряд властных субъектов уголовного процесса; допустил возможность ведения производства по уголовному делу в электронном формате. Конечно, есть и другие «маркеры» — отличия, указывающие на самобытность сложившегося казахстанского уголовного процесса в ряду правовых систем государств постсоветского пространства.

Вызывает интерес изменение в казахстанском уголовном судопроизводстве круга участников уголовного процесса, а именно появление нового участника — свидетеля, имеющего право на защиту. Изначально, т. е. с принятием Уголовно-

процессуального кодекса Республики Казахстан 2014 г. (далее — УПК РК), положения, определяющие статус свидетеля, имеющего право на защиту, располагались в чч. 5, 6 и 7 ст. 78 «Свидетель» УПК РК. В результате такого юридико-технического приема эта статья стала совмещать в себе нормы, посвященные свидетелю, имеющему право на защиту, и нормы, определяющие статус свидетеля в традиционном понимании его как лица, лично не заинтересованного в исходе дела и дающего показания об обстоятельствах расследуемого преступления. Иными словами, положения ст. 78 УПК РК стали касаться двух видов свидетелей, один из которых «обычный», а другой — «особенный», так как наделялся правом на защиту.

Между тем нового участника (свидетеля, имеющего право на защиту) невозможно позиционировать как «обычного» свидетеля, процессуальный статус которого определен практически одинаково в казахстанском уголовном процессе (ст. 78 УПК РК) и в российском уголовном процессе (ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Потому ясно, что не могло не возник-

нать потребности в его «отмежевании» от обычного свидетеля. В итоге в 2021 г. из ст. 78 УПК РК были исключены чч. 5, 6 и 7, а вместо них была введена новая ст. 65-1 УПК РК, полностью посвященная такому специфическому субъекту, как свидетель, имеющий право на защиту.

Обращает на себя внимание тот факт, что ст. 65-1 УПК РК, определяющая процессуальный статус свидетеля, имеющего право на защиту, стала располагаться в гл. 9 «Участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы» УПК РК. В данной главе регламентируется процессуальный статус участников, представляющих стороны уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, защитника, а также потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Отсюда видно, что новый участник казахстанского уголовного процесса — носитель процессуального интереса, кардинально отличающегося от интереса обычного свидетеля, поскольку именно этот интерес нуждается в защите.

В чем же заключается интерес нового участника казахстанского уголовного процесса? Очевидно, в том, чтобы данный участник в последующем не был подвергнут уголовному преследованию. По этой причине его в целом наделяют правом на защиту. Свидетель, имеющий право на защиту, в ч. 1 ст. 65-1 УПК РК определяется как лицо, на которого было либо указано в заявлении или сообщении о преступлении (в УПК РК вместо термина «преступление» используется термин «уголовное правонарушение»), либо против него дал показания «обычный» свидетель. Собственно, эти положения дают представление о формировании выводов о фактических обстоятельствах, позволяющих заподозрить лицо в причастности к криминальному событию. Однако казахстанский законодатель прибегает также к определению формального признака, позволяющего наделить лицо рассматриваемым статусом: такое лицо ранее не подвергалось задержанию и в отношении него не было вынесено постановления о признании подозреваемым. Тем не менее УПК РК не указывает на то, что необходимо выносить какой-либо процессуальный акт, который выступал бы правовой основой для наделения лица статусом «свидетель, имеющий право на защиту».

Положения ст. 65-1 УПК РК регламентируют процессуальные права рассматриваемого участника. Предпосланные ему процессуальные права,

с одной стороны, отличают его от «обычного» свидетеля, а с другой — приближают к статусу подозреваемого (ст. 64 УПК РК).

Так, в отличие от «обычного» свидетеля, новый участник, несмотря на то что в его названии присутствует слово «свидетель», наделен весьма значимым для него правом — безусловно отказаться от дачи показаний. Понятно, что «обычный» свидетель такое право получает фрагментарно: лишь в части показаний в отношении самого себя, своего супруга (супруги) и близких родственников (их круг совпадает с кругом близких родственников, который определен в российском уголовно-процессуальном законе, т. е. в п. 4 ст. 5 УПК РФ). Но именно право на отказ от дачи показаний роднит свидетеля, имеющего право на защиту, с подозреваемым (п. 8 ч. 9 ст. 64 УПК РК). В то же время новый участник казахстанского уголовного процесса отличается по кругу своих процессуальных прав от подозреваемого в основном: у него нет права знать, в чем он подозревается. Такой вывод неизбежно вытекает, если следовать буквально тому, что указано в законе о его процессуальных правах: там нет указаний на то, что ему вручается процессуальный акт, который отражал бы основания наделения его статусом свидетеля, имеющего право на защиту (ч. 2 ст. 65-1 УПК РК).

Однако закон (п. 2 ч. 2 ст. 65-1 УПК РК) указывает, что свидетель, имеющий право на защиту, вправе получить от субъекта, ведущего уголовный процесс, разъяснение о своем статусе. Что именно казахстанский законодатель имеет в виду под разъяснением статуса нового участника, сложно предположить. Одно дело разъяснить, почему лицо фактически должно быть наделено этим статусом, другое — просто разъяснить ему его процессуальные права и обязанности, предусмотренные все той же ст. 65-1 УПК РК.

Если вести речь об основаниях наделения лица статусом «свидетель, имеющий право на защиту», то, видимо, надо ему разъяснять, что есть основания утверждать о его причастности к криминальному событию, но доказательств для вынесения постановления о признании его подозреваемым нет, поскольку последнее как юридический факт предпослано для «классических» подозреваемых (п. 1 ч. 1 ст. 64 УПК РК).

Если же ограничиваться разъяснением новому участнику его процессуальных прав, то из существа последних видно, что свидетель, имеющий право на защиту, может ими воспользоваться в целях опровержения возникшего или потенциально воз-

возможного подозрения. Во всяком случае из круга его процессуальных прав, а особенно из того, что он вправе, как и подозреваемый, отказаться от дачи показаний, видится, что он не интересен органам уголовного преследования, по крайней мере на процессуальном уровне (не оперативно-разыскном), как источник значимой по делу информации, т. е. сугубо как свидетель. Фактически свидетель, имеющий право на защиту, — это подозреваемый, но без официально выдвинутого подозрения в виде постановления о признании лица подозреваемым, т. е. в порядке, предусмотренном п. 1 ч. 1 ст. 64 УПК РК.

Кроме того, имеющееся в ч. 2 ст. 65-1 УПК РФ частичное дублирование процессуальных прав «обычного» свидетеля в процессуальном статусе нового субъекта — не очень весомая причина для того, чтобы последнего именовать *свидетелем*, хотя и имеющим право на защиту. Больше оснований считать, что он — заподозренное лицо: уже не «обычный» свидетель, но еще и не «обычный» подозреваемый. Его фактическое положение — между двумя отмеченными процессуальными статусами. В связи с этим полагаем, что ст. 65-1 УПК РК оптимально назвать «Заподозренное лицо», что подтверждало бы логичность отнесения нового субъекта к числу участников процесса, защищающих свои права и законные интересы (гл. 9 УПК РК).

Но и форме наделения его этим статусом представляется нелишним дать большую определенность. В этом плане представляется оптимальным использование российского опыта по наделению лица процессуальным статусом подозреваемого в форме уведомления о подозрении, которое выносится дознавателем в порядке ст. 223.1 УПК РФ. Да и «технически» назначение такого уведомления совпадает: в российском дознании оно используется для случаев, когда к лицу не применяется ни одна из мер пресечения, но наличие такого уведомления переводит лицо в статус подозреваемого (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Считаем, что такой юридико-технический прием пригоден и для нового участника уголовного процесса Республики Казахстан, но с поправкой в терминологию: речь должна вестись, как предложено выше, о заподозренном лице, а не о подозреваемом. В уведомлении о признании лица заподозренным, конечно, должен быть изложен вывод субъекта, ведущего досудебное производство, об установленных обстоятельствах криминального события и о возможной причастности к нему конкретного лица, что и позволяет наделить его процессуальным статусом «заподозренное лицо». Гипотетический

вывод о причастности лица к криминальному событию по уровню своей обоснованности представляется таким же, как и при избрании меры пресечения в российском уголовном процессе или казахстанском уголовном процессе: субъект, ведущий досудебное производство, констатирует, что есть основания полагать, а по сути — предполагать, что лицо скроется от предварительного расследования или совершит новое преступление. Иными словами, речь идет о предположении о причастности лица к криминальному событию — некоей начальной фазе выдвижения подозрения.

Основываясь на вышеизложенном и будучи ограниченными рамками научной статьи, полагаем достаточным сформулировать следующее предложение об изменении положений ч. 1 ст. 65-1 УПК РК, изложив ее в следующей редакции: «Заподозренное лицо — лицо, на причастность которого к уголовному правонарушению указано в заявлении или сообщении об уголовном правонарушении, либо в показаниях свидетеля, участвующего в производстве по уголовному делу, при условии, что в отношении данного лица не приняты процессуальные решения и не проведены процессуальные действия, предусмотренные статьей 64 настоящего Кодекса. Данному лицу вручается копия уведомления о признании его заподозренным лицом и разъясняются его процессуальные права и обязанности, предусмотренные частью второй настоящей статьи». Безусловно, с учетом вышеприведенного предложения есть необходимость в дальнейшем уточнении нормативных положений УПК РК, которые ныне связаны с действующим статусом свидетеля, имеющим право на защиту. Изменение этих нормативных положений может быть реализовано в направлении определения формы и содержания уведомления о признании заподозренным лицом, регламентации порядка вручения лицу и его защитнику данного процессуального акта.

Изучение нормативной регламентации по УПК РК статуса свидетеля, имеющего право на защиту, представляет интерес в сравнительно-правовом аспекте, т. е. в плане сопоставления его с таким фактическим участником российского уголовного процесса, как лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Как известно, процессуальный статус такого лица в законе не определен. В связи с этим в российской науке уголовно-процессуального права обсуждается вопрос о возможности наделения такого лица процессуальным статусом заподозренного [1; 2].

Есть ли для этого основания? Думается, что есть. Действительно, в случае если до возбуждения уголовного дела такое лицо известно, на него было указано в заявлении или сообщении о совершенном или готовящемся преступлении, то направленность на установление его причастности к криминальному событию очевидна [3].

Аналогично и в случае фактического задержания лица, но до процессуального оформления задержания в порядке ст. 92 УПК РФ, также возникает вопрос о том, в каком статусе данное лицо должно находиться. Положения п. 15 ст. 5 УПК РФ определяют момент фактического задержания лица, из чего во взаимосвязи с ч. 1 ст. 92 УПК РФ следует, что пребывание такого лица в положении, сопряженном с ограничением свободы передвижения, заполняет временной период с момента фактического задержания до составления протокола о задержании (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Поэтому Ю. В. Францифоров и Ю. Н. Царев указывают на необходимость определения процессуального статуса для фактически задержанного лица. «Фактическое задержание включает поимку лица, ограничение права лица на свободу передвижения, объявление ему о причинах задержания, а также доставление его в орган предварительного расследования. Эти действия не имеют регламентации в УПК РФ, а потому задержанный не имеет процессуального статуса и не наделен соответствующими правами» [4, с. 208]. Авторы приведенного рассуждения полагают, что такой участник должен быть обозначен в российском уголовно-процессуальном законе в статусе «задержанный» [4, с. 208].

Безусловно, такой подход имеет право на существование. Однако представляется, что для описанного случая термин «заподозренный» более уместен, поскольку прямо указывает на причину задержания — возникшее предположение о причастности лица к криминальному событию. Кроме того, если подозреваемый — это лицо, задержанное в процессуальном порядке с составлением протокола о задержании и выполнением всех процессуальных действий, предусмотренных ст. 92 УПК РФ, то для рассматриваемого случая логично прибегнуть к терминологически сходному обозначению — «заподозренный».

Говоря об оправданности выделения процессуального статуса «заподозренный» применительно к лицу, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, надо отметить, что о нем отдельно как о субъекте уголовного процесса говорится лишь в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ,

притом в контексте определения момента, с которого защитник участвует в уголовно-процессуальной деятельности. Не говорим об участии защитника в производстве по уголовному делу, поскольку оно не возбуждено и, может быть, вообще сама доследственная проверка завершится отказом в возбуждении уголовного дела. Тем не менее если такое лицо обеспечивается защитником, то уже на стадии возбуждения уголовного дела у субъекта, ведущего уголовный процесс, возникает предположение о его причастности к криминальному событию, что в целом, по нашему мнению, «сигнализирует» о начале уголовного преследования. Если бы это было не так, то данное лицо не обеспечивалось бы защитником, что, правда, вытекает из норм, определяющих статус защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а не из норм, прямо регулирующих порядок обеспечения прав частных лиц, участвующих в доследственной проверке (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

По нашему мнению, нормативное регулирование участия такого лица в процессуальной деятельности также необходимо привести в соответствие с фактически складывающимися отношениями в стадии возбуждения уголовного дела, т. е. в процессе проверки заявления или сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Считаем, что уголовное преследование фактически начинается в отношении лица, если оно известно на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Да, частные лица, призванные для участия в доследственной проверке, не наделены процессуальным статусом, поскольку, по нормам УПК РФ, еще не произошло их распределение по сторонам защиты или обвинения. Однако, как отмечено выше, защитник (именно защитник, а не адвокат) уже вправе принять участие в интересах лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Для чего ему нужен именно защитник? Если бы не понималось, что началось уголовное преследование такого лица, то достаточно было бы положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где в отношении всех лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, содержится норма о праве пользоваться услугами адвоката. Из такой формулировки, индифферентной с точки зрения разделения участников на стороны обвинения и защиты, все положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ выглядят как основа для обеспечения прав личности в уголовном процессе, что созвучно принципиальным положениям ст. 11 УПК РФ.

Вместе с тем положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предписывают, чтобы права таких лиц (не разде-

ленных на стороны защиты и обвинения, что ясно с точки зрения теоретического понимания существа стадии возбуждения уголовного дела) разъяснялись и обеспечивались в той части, в которой они затрагиваются действиями и решениями, производимыми на рассматриваемом этапе процессуальной деятельности, который и производством по уголовному делу назвать нельзя, поскольку последнее еще не возбуждено и не принято к производству ни следователем, ни дознавателем. Тем не менее приведенные положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ можно воспринимать как обозначение процессуального статуса участников проверки, коль скоро им предпосылаются определенные права и даже процессуальная обязанность в виде запрета разглашать данные досудебного производства, причем во взаимосвязи с положениями ст. 161 УПК РФ, применяемой как общее условие предварительного расследования. Без определения процессуального статуса того или иного участника уголовного процесса вряд ли возможно наделение его процессуальными правами и обязанностями.

Нет сомнения, что те немногие следственные действия, что допускаются в стадии возбуждения уголовного дела, носят элемент принуждения (например, получение от лица образцов для сравнительного исследования, освидетельствование). Понятно, что именно такие процессуальные действия (именно так они обозначены в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) подразумеваются прежде всего в связи с решением вопроса об основании участия защитника в порядке п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Но, как отмечено выше, положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ об этом не упоминают. Не упоминают они и термина, которым обозначается лицо, в интересах которого может участвовать защитник. Повторимся, в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ такой участник обозначен термином «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». Данной формулировкой, как видится, фактически выделяется процессуальный статус такого участ-

ника как заподозренного лица. Но между приведенным положением и положениями ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ нет видимой согласованности с точки зрения юридической техники. Получилось, что в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ говорится обо всех участниках проверки, поскольку всем им дается право на услуги адвоката. А положения п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ об участии защитника изложены обособленно, хотя по своему предмету они прямо связаны с рассматриваемой проверкой. Думается, что это положение должно быть интегрировано в ст. 144 УПК РФ.

Но вначале, полагаем, ст. 5 УПК РФ должна содержать пояснение о том, кого следует рассматривать в процессуальном статусе «заподозренное лицо». В этих целях, соответственно, статью 5 УПК РФ вполне уместно дополнить новым пунктом 12.1 в следующем изложении: «заподозренное лицо — лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренным статьей 144 настоящего Кодекса».

Отправляясь от этого предложения, полагаем, что ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ должна быть дополнена следующим нормоустановлением: «Заподозренное лицо обеспечивается защитником при проведении с ним процессуальных действий, осуществляемых в целях проверки заявления или сообщения о преступлении».

Подводя итог вышеприведенным рассуждениям, отметим, что нет препятствий для того, чтобы нормативно определить нового участника казахстанского уголовного процесса, т. е. свидетеля, имеющего право на защиту, в процессуальном статусе «заподозренного лица». Аналогично нет препятствий и для введения в нормативную ткань УПК РФ процессуального статуса «заподозренного лица» применительно к лицу, в отношении которого проводится последственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ.

1. Смолькова И. В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 70—77.

2. Чупилкин Ю. В. Правовой статус заподозренного в совершении преступления лица // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности:

1. Smolkova I. V. Is a person being under suspicion necessary in the criminal proceedings? Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 70—77, 2019. (In Russ.).

2. Chupilkin Yu. V. Legal status of a person being under suspicion in committing a crime. In: Topical problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure activities and national

материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. В. А. Семенов. Краснодар: КубГУ, 2022. С. 313—319.

3. Аширбекова М. Т. Об обеспечении прав личности в ходе проверки сообщения о преступлении // Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты уголовно-процессуальной политики. Саратов: Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 14—19.

4. Францифоров Ю. В., Царев Ю. Н. Задержание в качестве подозреваемого: противоречия законодательной регламентации и практики осуществления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2 (157). С. 204—211.

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, доцент;
madina.55@mail.ru

Калиев Абылай Акылбаевич,
старший инспектор по особым поручениям
Управления по координации оказания
государственных услуг
и работы с обращениями граждан
Комитета миграционной службы
МВД Республики Казахстан;
kaliev_08@mail.ru

security. Materials of the International research and practical conference, dedicated to the 50th anniversary of the establishment of the department of criminal procedure. In 2 parts. Part 2. Red. by V. A. Semenov. Krasnodar: KubSU; 313—319, 2022. (In Russ.).

3. Ashirbekova M. T. On ensuring individual rights during the verification of a crime report. In: Crime control and ensuring individual rights as priorities of the criminal procedure policy. Saratov: the Saratov State Law Academy; 2021: 14—19. (In Russ.).

4. Frantsiforov Yu. V., Tsarev Yu. N. Detention of a person as a suspect: contradictions between legislative regulation and practice. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 204—211, 2024. (In Russ.).

Ashirbekova Madina Taukenovna,
professor at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
professor at the department
of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy;
doctor of juridical sciences, docent;
madina.55@mail.ru

Kaliev Abylay Akylbayevich,
senior inspector for special assignments
at the department for the coordination
to provide public services
and to handle citizens' appeals
of the Committee of Migration Service
of the Ministry of the Interior
of the Republic of Kazakhstan;
kaliev_08@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *